

грессивные отличия от русского синтаксиса прежних столетий.

4.1. Явления древнерусского синтаксического согласования, не сохранившиеся в современном русском литературном языке

Начнем обзор с древнерусских примеров, согласованием в современном понимании не являющихся, но позволяющих понять механизм такого согласования. Речь идет о повторе предлогов и сочинительных союзов (например, *поклон **от** князя **от** Михаила; в серебро мешати медь*

и олово и свинец). Встречается такой повтор (да еще и с постпозицией союза) и в говорах: *реску режим ис салом и из аржаной; Олександром да, да Григорьём, да Миколаем да* [Шапиро 1953: 130, 234]. Многиеистики языка фиксируют это явление (см., например, [Потебня 1985: 189; Булаховский 1958: 404–405; Стеценко 1977: 109–111]). А.А. Шахматов даже считает, что повтор предлога подчеркивает «согласование приложения и определяемого слова», «уподобление определения определяемому слову» [Шахматов 1941: 288, 308]. Но далеко не все исследователи выясняют причину такого повтора. Объяснить причину повтора предлога берется Н.П. Гринкова: на примерах купчих грамот она объясняет повтор предлога стремлением говорящих логически выделить каждое слово в именном словосочетании [Гринкова 1948: 93–103]. В.И. Борковский объясняет такой повтор по сути тем же: стремлением «подчеркнуть данные слова, обратить на них особое внимание» [Борковский 1965: 450]. Это, по всей видимости, действительно первое, что приходит на ум при первом взгляде на данное явление (согласно перцептивному закону близости — при ПВ). Но тогда остается выяснить, почему такое простое логическое выделение сейчас почти не используется. П.Я. Черных видит причину повтора предлогов и союзов «не столько в стремлении подчеркнуть отдельные члены предложения, сколько в характере мышления древнерусских людей», сущность этого характера не объясняя [Черных 1962: 323–325]. Опираясь на данные предыдущих глав, мы можем объяснить особенность этого «характера мышления» следующим образом. Говорящий мог если не забыть следующее за первым слово, то не обратиться на выражаемое им понятие должного внимания, то есть не воспринять его, и потому повторял предлог перед этим словом, таким образом закрепляя существование последнего «для надежности», не осознавая, что употребления одного предлога для этого достаточно. Так же, употребляя союз *и* первый раз, говорящий не осознавал (не предвидел абстрактно), что следующее за этим союзом существительное — в перечислении не последнее. Предложенное Н.П. Гринковой и В.И. Борковским объяснение приведенному нами никак не противоречит: на фоне объяснения повтора неразвитостью абстрактного мышления объяснение повтора стремлением логически выделить какое-то слово выглядит конкретным примером указанной неразвитости. Аналогичным образом дошкольников и учеников младших классов заставляют многократно и вслух повторять простые теоретические положения — «чтобы лучше запомнились». Именно в этом «жанре» пишутся стихи для детей, например таково знаменитое стихотворение К.И. Чуковского «Мойдодыр», намеренно переполненное лексическими повторами.

А.А. Потебня отдельно оговаривает странность для современных ему носителей русского языка постановки сочинительного «союза между словами, соединенными атрибутивно», например *Назвала дружка горькой пьяницей, Горькой пьяницей и пропойцей* (из русской народной песни). А.А. Потебня называет в таких случаях союзы «плеонастическими частицами, заполняющими собой пробелы мысли» [Потебня 1968: 216–247], но это образное утверждение выглядит неоправданным, ибо звено, связывающее одинаковые мысли, трудно признать заменой мысли. Повтор мысли посредством сочинительного союза осуществляется не потому, что нечего больше сказать (нет-де мысли), а потому, что, как мы уже показали в предыдущем абзаце, согласно примитивным, неабстрактным представлениям «повторенье — мать ученья», оплот убедительности и надежности. И это явление посредством АИВ было изжито.

Логично (в результате АИВ) покинули русский синтаксис «странные случаи соединения подлежащих-существительных мужского и женского рода со сказуемым прилагательным среднего рода», например *грех сладко, а человек падко* [Чернышев 1970: 194]. В.И. Чернышев, критикуя объяснение Ф.И. Буслаева, предложившего неприемлемую причину употребления среднего рода прилагательных в таких случаях: «Если сказуемое относится вообще к понятию, выражаемому существительным в подлежащем, то ставится в ср. р. ед. ч., как в форме, наиболее соответствующей отвлеченному понятию» [Буслаев 1959: 446], — и обращая внимание на то, что «в народе эти пословицы не встречаются», пришел к выводу, что эти странные употребления являются по происхождению кальками-эллинизмами, на некоторое время появившимися в просвещенных слоях общества [Чернышев 1970: 194–198].

Не стало достоянием литературного языка (под воздействием АИВ) нарушение согласования в сильно акающих говорах типа *худая вино, парная молоко, куриная яйцо, чистая лицо, дорогая ружье*, то есть согласование существительных ср. р. даже с ударной флексией на -о в ж. р., в котором — в устной речи, не находящейся под влиянием письменной, — воспринимаются слова ср. р. прежде всего с клитичной флексией -о. На первый взгляд, к этому приводит невосприятие носителями таких говоров ударения существительного как дифференциального признака, существенного для согласования с ним в роде (СВ). Однако можно допустить и то, что исчезновение формы ср. р. в таких случаях свидетельствует о тенденции к бинарности грамматического рода как м. р. и ж. р. (это наблюдается, например, в современном французском). Впрочем, считать это допущение основательным мешает тот факт, что в косвенных падежах рассматриваемый ж. р. прилагательных не сохраняется: *маево села, бальшова окна* [Там же: 199–204].

Примеры несогласования в роде в говорах типа *мое жеребенек, одно ягненек, больное ребенок* В.И. Чернышев логично объясняет тем, что попадает в поле зрения исследователя прежде всего: и инерцией рода первоначальных форм *жеребя, ягня, робя*, и влиянием рода уменьшительно-ласкательных форм *жеребятко, ягнятко, дитятко* [Там же: 204–205]. Логично также допустить, что ср. р. — и в начальных, и в более поздних названиях детей и животных — обусловлен корреляцией ср. р. с ранней неодушевленностью таких названий.

Не сохранилось (в силу АИВ) в русском языке и не приводившее к затруднениям в коммуникации согласование прилагательных в ж. р. с числительными, которое встречалось даже в речи М.В. Ломоносова, например *каждую пять лет, всякую полгода* (СВ; с тех пор числительные на *-ть* склоняются по женскому типу). А.М. Пешковский пишет прямо, что «слова *пять, шесть* и т. д. по форме своей, собственно, существительные единственного числа, как *кость, мякоть, пыль* и т. д.» [Пешковский 1956: 187]. Ф.И. Буслаев считал (и В.И. Чернышев с ним в этом солидарен [Чернышев 1970: 198–199]), что причиной прекращения подобного согласования стало развитое логическое и «отвлеченное» мышление [Буслаев 1959: 433–436]. Понятно, что причиной указанного прекращения стало развитие прежде всего не логического, а «отвлеченного» (= абстрактного) мышления, столь нужного для восприятия чисто количественного аспекта числительных, и лишь затем — на базе прогрессирующего абстрактного восприятия числа — развитие мышления логического. Как известно, с современными количественными числительными атрибутивы согласуются во мн. ч. (*каждые пять лет*), однако не без происходящих по аналогии преувеличений множественности в таких примерах, как *всякие полгода*, ведь *пол-* есть половина от *одного*, согласующегося в ед. ч. (*каждый год*, а не *каждые год**). Поскольку согласование во мн. ч. начинается с числовых значений, возрастающих от единицы (например, *каждые полтора года*), логично было бы ожидать, что числовое значение меньше единицы никак не должно иметь форму мн. ч., как не имеет ее слово *половина* (например, *Каждая половина года нравится мне по-своему*).

В древнерусском языке срабатывало исключительно семантическое согласование сказуемого с существительным, выраженным существительным ед. ч. с собирательным значением, но в основном в случае его одушевленности и «неживотности», что в целом соответствует стадиям развития категории одушевленности в русском языке (*храбрая дружина рыкають аки тури*) [Черных 1962: 307; Борковский 1965: 352–358; Стеценко 1977: 51–52; Историческая грамматика... 1978: 30–40; Иванов

1983: 379]. То есть абстрактное по своей сути грамматическое основание ед. ч. в то время носителями языка не воспринималось — они обращали внимание лишь на эмпирически очевидную множественность в лексических значениях собирательных существительных (ПВ). Однако с развитием АИВ и абстрактного мышления согласование меняется: «Постепенное угасание к XVII в. смыслового согласования при собирательных именах было связано прежде всего с общей тенденцией к усилению формально-грамматического согласования за счет смыслового» [Историческая грамматика... 1978: 35] (Л.А. Булаховский относит это «угасание» к середине XVIII века [Булаховский 1958: 317]). А.Б. Шапиро отмечает, что в русских народных говорах (середины XX века) наблюдается промежуточный этап в сфере данного согласования: если собирательное существительное обозначает совокупность предметов одушевленных — сказуемое согласуется с ним во мн. ч.; если такое существительное обозначает совокупность предметов неодушевленных — сказуемое ставится в ед. ч. [Шапиро 1953: 179–181]. То есть одушевленность воспринимается как показатель активности, и эта активность напоминает о множественности скорее, нежели неактивность неодушевленных предметов (к этой закономерности мы возвращаемся в следующем пункте настоящей главы). В современном же языке, как известно, все собирательные существительные демонстрируют грамматическое согласование со сказуемым: согласуются с ним только в ед. ч. (об этом специально пишет В.И. Чернышев примерно век назад [Чернышев 1970¹: 589]).

Определения при собирательных словах обычно имели и имеют форму ед. ч.: *храбрая дружина* (то же наблюдается в относительно современных народных говорах, изученных А.Б. Шапиро [Шапиро 1953: 180]). Мн. ч. в таких сочетаниях встречается редко: *множества народа неистовых, многие наша братья* [Булаховский 1958: 317]. В.И. Борковский объясняет это тем, что прилагательные имеют «большую формальную близость к собирательным словам, чем глагол» [Борковский 1965: 354; Историческая грамматика... 1978: 35].

В древнерусском языке обычным явлением было несогласование приложения в падеже: *А зовуть его Власкомъ, Ивановъ сынъ; продать одному рядку лазореву, поношена, золотаревская* [Ломоносов 1952: 554–555; Буслаев 1959: 451–456; Потебня 1968: 203–215; Стеценко 1977: 63]. Как можно видеть, приложение остается в именительном падеже, то есть в той начальной форме, в которой существительные и хранятся в памяти говорящего (в правом полушарии мозга). Неосознание необходимости согласования приложения в падеже со словом, к которому оно прилагается, как проявление грамматического противоречия (СВ), в современном

русском языке почти не встречается (еще А.А. Шахматов указывал на этот факт [Шахматов 1941: 287–288]). Чаще всего подобное несогласование еще наблюдается у слов, находящихся в скобках, например *Укажите место проживания (город, улица, дом, квартира)*, однако примеры Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) показывают, что постепенно грамматическим согласованием логично преодолевается и такая «преграда», как скобки: *Укажите место проживания (город, улицу, дом, квартиру)* (АИВ).

При согласовании атрибутива в роде с субстантивом, имеющим уменьшительный суффикс, в древнерусском наблюдаются колебания, отмеченные еще М.В. Ломоносовым, который считал допустимыми сочетания атрибутивов с «презрительными умалительными» субстантивами типа *наш столишко* и *наше столишко*. В первом случае воспринимается род мотивирующего слова, во втором — мотивированного [Ломоносов 1952: 473–474; Историческая грамматика... 1978: 161–163] (ПВ). Согласование по роду мотивирующего слова (преобладающее в современном языке при АИВ) можно объяснить тем, что при такой деривации в лексическом значении происходит изменение не денотата, а коннотации, в силу чего грамматическое внимание такому малозначительному изменению не уделяется и род мотивирующего слова сохраняется в роде мотивированного слова. Разумеется, такое понимание родовой принадлежности слова типа *столишко* возможно лишь при мыслительной операции логичного абстрагирования от окончания такого мотивированного слова — ср. р. Аналогичное по своей природе абстрагирование происходит при согласовании в обращениях на Вы. На ед. ч. прилагательного в таких случаях обращает внимание А.А. Шахматов и приводит пример из романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»: *«Какой вы добрый; вы артист. Вы сегодня не такой, каким я вас видела до сих пор»* [Шахматов 1941: 250]. Ед. ч. здесь употребляется потому, что говорящий абстрагируется от формы мн. ч. у *вы*, считая более логичным показать в определении действительную единичность адресата (АИВ).

4.2. Согласование в числе с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием

При согласовании с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием, постпозитивного атрибутива, в данном случае — причастия, возможны употребления типа *два стола, купленных вчера* или *двадцать четыре автомобиля, участвующих в соревновании*, демонстрирующие согласование в род. п. вместо им. или вин. п. Оно обусловлено ориентацией причастия на ближайшее к нему существительное, то